PV
4522

Бердяев Н.

Откровение
о человеке в твор-
честве Достоевского

Откровеніе о человѣкѣ въ творчествѣ Достоевскаго.

„Ты взялъ все, что есть необычайнаго, гадательнаго и неопредѣленнаго, взялъ все, что было не по силамъ людямъ, а потому поступилъ какъ бы и не любя ихъ вовсе".

„Легенда о Великомъ Инквизиторѣ".

I.

Много уже написано о Достоевскомъ и много высказано о немъ истинъ, которыя успѣли сдѣлаться почти банальными. Я имѣю въ виду не старую русскую критику, типическимъ образцомъ которой можетъ служить статья Н. К. Михайловскаго „Жестокій талантъ". Для публицистической критики этого типа Достоевскій былъ совершенно недоступенъ, у нея не было ключа къ раскрытію тайнъ его творчества. Но о Достоевскомъ писали люди другого духовнаго склада, болѣе ему родственнаго, другого поколѣнія, всматривавшагося въ духовныя дали: Вл. Соловьевъ, Розановъ, Мережковскій, Волынскій, Л. Шестовъ, Булгаковъ, Волжскій, Вяч. Ивановъ. Всѣ эти писатели по своему пытались подойти къ Достоевскому и раскрыть въ немъ глубину. Въ творчествѣ его видѣли величайшія откровенія, борьбу Христа и антихриста, божественныхъ и демоническихъ началъ, раскрытіе мистической природы русскаго народа, своеобразнаго русскаго православія и русскаго смиренія. Мыслители религіознаго направленія существенное содержаніе всего творчества Достоевскаго видѣли въ особенныхъ откровеніяхъ о Христѣ, о безсмертіи и о богоносности русскаго народа и особенное значеніе придавали его идеологіи. Для другихъ Достоевскій, прежде всего, психологъ, раскрывавшій подпольную психологію. Все это было у Достоевскаго. Онъ былъ необычайно богатъ, отъ него идетъ много линій и каждый можетъ пользоваться имъ для своихъ цѣлей. Къ загадкѣ Достоевскаго можно подходить съ разныхъ сторонъ. И я хочу подойти къ этой загадкѣ съ той стороны, съ которой недостаточно подходили къ ней. Не думаю, чтобы то религіозное истолкованіе Достоевскаго, которое сдѣлалось у насъ

господствующимъ, улавливало самое главное въ немъ, ту центральную тему его, съ которой связанъ его пафосъ. Нельзя на ограниченномъ пространствѣ статьи охватить всего Достоевскаго, но можно намѣтить одну его тему, которая представляется мнѣ центральной и изъ которой объясняется онъ весь.

У Достоевскаго было одному ему присущее, небывалое отношеніе къ *человѣку* и его судьбѣ — вотъ гдѣ нужно искать его пафосъ, вотъ съ чѣмъ связана единственность его творческаго типа. У Достоевскаго ничего и нѣтъ кромѣ человѣка, все раскрывается лишь въ немъ, все подчинено лишь ему. Еще близкій ему Н. Страховъ замѣтилъ: „все вниманіе его было устремлено на людей, и онъ схватывалъ только ихъ природу и характеръ. Его интересовали люди, исключительно люди, съ ихъ душевнымъ складомъ, съ образомъ ихъ жизни, ихъ чувствъ и мыслей". Въ поѣздкѣ за границу „Достоевскаго не занимала особенно ни природа, ни историческіе памятники, ни произведенія искусства". Это подтверждается всѣмъ творчествомъ Достоевскаго. Такой исключительной поглощенности темой о человѣкѣ ни у кого никогда не было. И ни у кого не было такой геніальности въ раскрытіи тайнъ человѣческой природы. Достоевскій, прежде всего, великій *антропологъ*, изслѣдователь человѣческой природы, ея глубинъ и ея тайнъ. Все его творчество—антропологическіе опыты и эксперименты. Достоевскій—не художникъ-реалистъ, а экспериментаторъ, создатель опытной метафизики человѣческой природы. Все художество Достоевскаго есть лишь методъ антропологическихъ изысканій и открытій. Онъ не только ниже Толстого, какъ художникъ, но онъ и не можетъ быть названъ въ строгомъ смыслѣ этого слова художникомъ. То, что пишетъ Достоевскій,—и не романы, и не трагедіи, и никакая форма художественнаго творчества. Это, конечно, какое-то великое художество, цѣликомъ захватывающее, вовлекающее въ свой особый міръ, дѣйствующее магически. Но къ этому художеству нельзя подходить съ обычными критеріями и требованіями. Нѣтъ ничего легче, какъ открыть въ романахъ Достоевскаго художественные недостатки. Въ немъ нѣтъ художественнаго катарсиса, они мучительны, они всегда переступаютъ предѣлы искусства. Фабулы романовъ Достоевскаго неправдоподобны, лица нереальны, столкновеніе всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ одномъ мѣстѣ и въ одно время всегда невозможная натяжка, слишкомъ многое притянуто для цѣлей антропологическаго эксперимента, всѣ герои говорятъ однимъ языкомъ, временами очень вульгарнымъ, нѣкоторыя мѣста напоминаютъ уголовные романы невысокаго качества. И лишь по недоразумѣнію фабулы этихъ романовъ-трагедій могли казаться реалистическими. Въ этихъ романахъ нѣтъ ничего эпическаго, нѣтъ изображенія быта, нѣтъ объективнаго изображенія человѣческой и природной жизни. Романы Толстого, самые, быть

можетъ, совершенные изъ всѣхъ когда-либо написанныхъ, даютъ такое ощущеніе, какъ будто бы сама космическая жизнь ихъ раскрыла, сама душа міра ихъ писала. У Достоевскаго нельзя найти такихъ вырванныхъ изъ жизни, реальныхъ людей въ плоти и крови. Всѣ герои Достоевскаго—онъ самъ, различная сторона его собственнаго духа. Сложная фабула его романовъ есть раскрытіе человѣка въ разныхъ аспектахъ, съ разныхъ сторонъ. Онъ открываетъ и изображаетъ вѣчныя стихіи человѣческаго духа. Въ глубинѣ человѣческой природы онъ раскрываетъ Бога и діавола и безконечные міры, но всегда раскрываетъ черезъ человѣка и изъ какого-то изступленнаго интереса къ человѣку. У Достоевскаго нѣтъ природы, нѣтъ космической жизни, нѣтъ вещей и предметовъ, все заслонено человѣкомъ и безконечнымъ человѣческимъ міромъ, все заключено въ человѣкѣ. Въ человѣкѣ же дѣйствуютъ изступленныя, экстатическія, вихревыя стихіи. Достоевскій завлекаетъ, затягиваетъ въ какую-то огненную атмосферу. И все дѣлается пріѣснымъ послѣ того, какъ побываешь въ царствѣ Достоевскаго, онъ убиваетъ вкусъ къ чтенію другихъ писателей. Художество Достоевскаго совсѣмъ особаго рода. Онъ производитъ свои антропологическія изслѣдованія черезъ художество, вовлекающее въ самую таинственную глубину человѣческой природы. Въ глубину эту всегда вовлекаетъ изступленный, экстатическій вихрь. Вихрь этотъ есть методъ антропологическихъ открытій. Все написанное Достоевскимъ и есть вихревая антропологіи, тамъ открывается все въ экстатически-огненной атмосферѣ. Достоевскій открываетъ новую мистическую науку о человѣкѣ. Доступъ къ этой наукѣ возможенъ лишь для тѣхъ, которые будутъ вовлечены въ вихрь. Это есть путь посвященія въ тайновѣдѣніе Достоевскаго. Въ наукѣ этой и въ ея методахъ нѣтъ ничего статическаго, все—динамично, все въ движеніи, нѣтъ ничего застывшаго, окаменѣвшаго, остановившагося, это—потокъ раскаленной лавы. Все страстно, все изступленно въ антропологіи Достоевскаго, все выводитъ за грани и предѣлы. Достоевскому дано было познать человѣка въ его страстномъ, буйномъ, изступленномъ движеніи. И нѣтъ благообразія въ раскрываемыхъ Достоевскимъ человѣческихъ лицахъ, толстовскаго благообразія, всегда улавливающаго моментъ статическій.

II.

Въ романахъ Достоевскаго нѣтъ ничего, кромѣ человѣка и человѣческихъ отношеній. Это должно быть ясно для всякаго, кто вчитывался въ эти захватывающіе духъ антропологическіе трактаты. Всѣ герои Достоевскаго только и дѣлаютъ, что ходятъ другъ къ другу, разговариваютъ другъ съ другомъ, вовлекаются въ притягивающую бездну трагическихъ человѣ-

ческихъ судебъ. Единственное серьезное жизненное дѣло людей Достоевскаго есть ихъ взаимоотношенія, ихъ страстныя притяженія и отталкиванія. Никакого другого „дѣла", никакого другого жизненнаго строительства въ этомъ огромномъ и безконечно разнообразномъ человѣческомъ царствѣ найти нельзя. Всегда образуется какой-нибудь человѣческій центръ, какая-нибудь центральная человѣческая страсть, и все вращается, кружится вокругъ этой оси. Образуется вихрь страстныхъ человѣческихъ соотношеній, и въ этотъ вихрь вовлекаются всѣ, всѣ въ изступленіи какомъ-то вертятся. Вихрь страстной, огненной человѣческой природы влечетъ въ таинственную, загадочную, бездонную глубину этой природы. Тамъ раскрываетъ Достоевскій человѣческую безконечность, бездонность человѣческой природы. Но и въ самой глубинѣ, на самомъ днѣ, въ безднѣ остается человѣкъ, не исчезаетъ его образъ и ликъ. Возьмемъ любой изъ романовъ Достоевскаго. Въ каждомъ изъ нихъ раскрывается страстное, идущее въ неизъяснимую глубь человѣческое царство, которымъ все исчерпывается. Въ человѣкѣ раскрывается безконечность и бездонность, но ничего нѣтъ, кромѣ человѣка, ничто не интересно, кромѣ человѣческаго. Вотъ „Подростокъ", одно изъ самыхъ геніальныхъ и недостаточно еще оцѣненныхъ твореній Достоевскаго. Все вращается вокругъ образа Версилова, все насыщено страстнымъ къ нему отношеніемъ, человѣческимъ притяженіемъ и отталкиваніемъ отъ него. Разсказъ ведется отъ подростка, незаконнаго сына Версилова. Никто не занимается никакимъ дѣломъ, никто не имѣетъ прочнаго органическаго мѣста въ бытовомъ строѣ жизни, всѣ выбиты изъ колеи, изъ путей жизнеустроенія, всѣ въ истерикѣ и изступленіи. И всетаки чувствуется, что всѣ дѣлаютъ какое-то огромное дѣло, безконечно серьезное, рѣшаютъ очень важныя задачи. Что же это за дѣла, что это за задачи? О чемъ хлопочетъ подростокъ съ утра до вечера, куда спѣшитъ, почему не имѣетъ минуты передышки и отдыха? Въ обычномъ смыслѣ слова подростокъ—совершенный бездѣльникъ, какъ и отецъ его Версиловъ, какъ и всѣ почти дѣйствующія лица въ романахъ Достоевскаго. И всетаки Достоевскій даетъ чувство того, что дѣлается важное, серьезное, божеское дѣло. Человѣкъ для Достоевскаго выше всякаго дѣла, онъ самъ и есть дѣло. Поставлена жизненная загадка о Версиловѣ, о человѣкѣ, о его судьбѣ, о божественномъ образѣ въ немъ. Разрѣшеніе этой загадки есть великое дѣло, величайшее изъ дѣлъ. Подростокъ хочетъ раскрыть тайну Версилова. Тайна эта скрыта въ глубинѣ человѣка. Всѣ чувствуютъ значительность Версилова, всѣ поражены противорѣчіями его природы, всѣмъ бросается въ глаза что-то глубоко ирраціональное въ его характерѣ и въ его жизни. Загадка сложнаго, противорѣчиваго, ирраціональнаго характера Версилова съ его странной судьбой, загадка необыкновеннаго человѣка есть для него загадка о человѣкѣ вообще. Вся

сложная фабула, сложная интрига романа есть лишь способъ раскрытія человѣка Версилова, открытія о сложной человѣческой природы, объ антиномическихъ ея страстяхъ. Тайна природы человѣческой всего болѣе раскрывается въ отношеніяхъ мужчины и женщины. И вотъ о любви удалось Достоевскому открыть что-то небывалое въ русской и всемірной литературѣ, у него была огненная мысль о любви. Любовь Версилова къ Катеринѣ Николаевнѣ вовлекаетъ въ стихію такой огненной страсти, какой нигдѣ и никогда не бывало. Эта огненная страсть схоронена подъ внѣшнимъ обличіемъ спокойствія. Временами кажется, что Версиловъ—потухшій вулканъ. Но тѣмъ острѣе врѣзывается въ насъ образъ версиловской любви. Достоевскій вскрываетъ противорѣчіе, полярность и антиномичность въ самой природѣ огненной страсти. Самая сильная любовь неосуществима на землѣ, она безнадежна, безысходно трагична, она рождаетъ смерть и истребленіе. Достоевскій не любитъ брать человѣка въ устойчивомъ жизненномъ строѣ этого міра. Онъ всегда показываетъ намъ человѣка въ безыисходномъ трагизмѣ, въ противорѣчіяхъ, идущихъ до самой глубины. Таковъ высшій типъ человѣка, явленный Достоевскимъ.

Въ „Идіотѣ“, быть можетъ, художественно самомъ совершенномъ твореніи Достоевскаго, все также исчерпывается міромъ огненныхъ человѣческихъ отношеній. Князь Мышкинъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ и сразу же попадаетъ въ раскаленную, экстатическую атмосферу людскихъ отношеній, которая его цѣликомъ захватываетъ и въ которую онъ самъ вноситъ свои тихіе экстазы, вызывающіе бурные вихри. Образъ Мышкина—настоящее откровеніе христіанскаго діонисизма. Мышкинъ ничего не дѣлаетъ, какъ и всѣ герои Достоевскаго, онъ не занятъ строительствомъ жизни. Огромная и сердечная жизненная задача, которая предстала передъ нимъ, когда онъ попалъ въ вихрь человѣческихъ отношеній,—это вѣщее проникновеніе въ судьбу всякаго человѣка, и прежде всего двухъ женщинъ—Настасіи Филипповны и Аглаи. Въ „Подросткѣ“ всѣ заняты однимъ человѣкомъ—Версиловымъ. Въ „Идіотѣ“ одинъ человѣкъ—Мышкинъ—занятъ всѣми. И тамъ и здѣсь исключительная погруженность въ разгадываніе человѣческихъ судебъ. Антиномическая, двоящаяся природа человѣческой любви раскрывается въ „Идіотѣ“ до самой глубины. Мышкинъ любитъ разной любовью и Настасію Филипповну и Аглаю, и любовь эта не можетъ привести ни къ какимъ осуществленіямъ. Сразу же чувствуется, что любовь къ Настасіи Филипповнѣ безконечно трагична и влечетъ къ гибели. И Достоевскій раскрываетъ тутъ природу человѣческой любви и судьбу ея въ этомъ мірѣ. Это—не частное и случайное повѣствованіе, а антропологическое знаніе, полученное черезъ экстатическое погруженіе человѣка въ огненную, раскаленную атмосферу, выявляющую глубину. Страстная, огненная связь существуетъ

между Мышкинымъ и Рогожинымъ. Достоевскій понялъ, что любовь къ одной женщинѣ не только разъединяетъ людей, но и соединяетъ ихъ, сковываетъ. По другому, въ другихъ тонахъ эта связанность, скованность изображена въ „Вѣчномъ мужѣ“, одномъ изъ геніальнѣйшихъ произведеній Достоевскаго. Въ „Идіотѣ“ очень ясно видно, что Достоевскаго совершенно не интересовалъ объективный строй жизни, природной и общественной, не интересовалъ эпическій бытъ, статика жизненныхъ формъ, достиженія и цѣнности жизнеустроенія, семейнаго, общественнаго, культурнаго. Его интересовали лишь геніальные эксперименты надъ человѣческой природой. Все остается у него въ глубинѣ, не въ томъ планѣ, гдѣ строится выявленная жизнь, а въ совершенно иномъ измѣреніи.

Въ „Бѣсахъ“ все сосредоточено вокругъ Ставрогина, какъ въ „Подросткѣ“ вокругъ Версилова. Опредѣлить отношеніе къ Ставрогину, разгадать его характеръ и его судьбу есть единственное жизненное дѣло, вокругъ котораго сосредоточивается дѣйствіе. Все тянется къ нему, какъ къ солнцу, все исходитъ отъ него и къ нему возвращается, все есть лишь его судьба, его эманація, выдѣлившееся изъ него бѣснованіе. Судьба человѣка, истощившаго свои силы въ безмѣрности своихъ стремленій,—вотъ тема „Бѣсовъ“. То лицо, отъ котораго ведется разсказъ, исключительно поглощено міромъ человѣческихъ страстей и человѣческаго бѣснованія, круговращающагося вокругъ Ставрогина. И въ „Бѣсахъ“ нѣтъ никакого достиженія цѣнностей, никакого строительства, нѣтъ никакой органически осуществляемой жизни. Все та же загадка о человѣкѣ и страстная жажда разгадать ее. Насъ вовлекаютъ въ огненный потокъ и въ потокѣ этомъ расплавляются и сгораютъ всѣ застывшія оболочки, всѣ устойчивыя формы, всѣ охлажденные и установившіеся бытовые уклады, мѣшающіе откровенію о человѣкѣ, о его глубинѣ, о его идущихъ въ самую глубь противорѣчіяхъ. Глубина человѣка всегда оказывается у Достоевскаго невыраженной, невыявленной, неосуществленной и неосуществимой до конца. Раскрытіе глубины человѣка всегда влечетъ къ катастрофѣ, за грани и предѣлы благообразной жизни этого міра. Въ „Преступленіи и наказаніи“ нѣтъ ничего, кромѣ раскрытія внутренней жизни человѣка, его экспериментированія надъ собственной природой и природой человѣческой вообще, кромѣ изслѣдованія всѣхъ возможностей и невозможностей, заложенныхъ въ человѣкѣ. Но антропологическое изслѣдованіе въ „Преступленіи и наказаніе“ ведется иначе, чѣмъ въ другихъ романахъ, въ немъ нѣтъ такой напряженной страстности человѣческихъ отношеній, нѣтъ такого раскрытія единаго человѣческаго лица черезъ человѣческую множественность. Болѣе всѣхъ произведеній Достоевскаго „Преступленіе и наказаніе“ напоминаетъ опытъ новой науки о человѣкѣ.

„Братья Карамазовы“—самое богатое по содержанію, обильное ге-

піальными мыслями, хотя и не самое совершенное произведеніе Достоевскаго. Тутъ опять проблема о человѣкѣ ставится въ страстной и напряженной атмосферѣ человѣческой множественности. Алеша,—наименѣе удавшійся изъ образовъ Достоевскаго,—видитъ единственное свое жизненное дѣло въ активныхъ отношеніяхъ къ братьямъ Ивану и Дмитрію, къ связаннымъ съ ними женщинамъ Грушенькѣ и Катеринѣ Ивановнѣ, къ дѣтворѣ. И онъ не занятъ жизнеустроеніемъ. Вовлеченный въ вихрь человѣческихъ страстей, онъ ходитъ то къ одному, то къ другому, пытается разгадать человѣческую загадку. Болѣе всего приковываетъ его загадка брата Ивана. Иванъ—міровая загадка, проблема человѣка вообще. И все, что связано у Достоевскаго съ Иваномъ Карамазовымъ, есть глубокая метафизика человѣка. Соучастіе Ивана Карамазова въ убійствѣ, совершонномъ Смердяковымъ,—этой другой его половиной, угрызенія совѣсти Ивана, разговоръ съ чортомъ,—все это антропологическій экспериментъ, изслѣдованіе возможностей и невозможностей человѣческой природы, ея съ трудомъ уловимыхъ, тончайшихъ переживаній, внутренняго убійства. По излюбленному пріему Достоевскаго Митя ставится между двумя женщинами, и любовь Мити влечетъ къ гибели. Ничто не можетъ быть осуществлено во внѣшнемъ строѣ жизни, всѣ возможности уходятъ въ безконечную, неизъяснимую глубину. Осуществленной благообразной жизни Алеши Достоевскій такъ и не показалъ, да она и не очень нужна была для его антропологическихъ изысканій. Положительное благообразіе дается въ формѣ поученій старца Зосимы, котораго не случайно Достоевскій заставилъ умереть въ самомъ началѣ романа. Дальнѣйшее его существованіе лишь помѣшало бы раскрытію всѣхъ противорѣчій и полярностей человѣческой природы. Всѣ основные романы Достоевскаго говорятъ о томъ, что интересуетъ его лишь человѣкъ и человѣческія отношенія, что онъ лишь изслѣдуетъ человѣческую природу художественно-экспериментальнымъ методомъ, имъ самимъ открытымъ, и открываетъ всѣ противорѣчія человѣческой природы, погружая ее въ огненную и экстатическую атмосферу.

III.

Достоевскій—діонисиченъ и экстатиченъ. Въ немъ нѣтъ ничего аполлоническаго, нѣтъ умѣряющей и вводящей въ предѣлы формы. Онъ во всемъ безмѣренъ, онъ всегда въ изступленіи, въ творчествѣ его разрываются всѣ грани. И величайшее своеобразіе Достоевскаго нужно видѣть въ томъ, что въ діонисическомъ экстазѣ и изступленіи никогда у него не исчезаетъ человѣкъ, и въ самой глубинѣ экстатическаго опыта сохраняется образъ человѣка, ликъ человѣческій не растерзанъ, принципъ человѣческой индивидуальности остается до самаго дна бытія. Человѣкъ—

не периферія бытія, какъ у многихъ мистиковъ и метафизиковъ, не преходящее явленіе, а самая глубина бытія, уходящая въ нѣдра божественной жизни. Въ древнемъ діонисическомъ экстазѣ снимался принципъ человѣческой индивидуаціи и совершалось погруженіе въ безликое единство. Экстазъ былъ путемъ угашенія всякаго множества въ единствѣ. Діонисическая стихія была внѣчеловѣчна и безлична. Не таковъ Достоевскій. Онъ глубоко отличается отъ всѣхъ тѣхъ мистиковъ, у которыхъ въ экстазѣ исчезаетъ ликъ человѣка и все умираетъ въ божественномъ единствѣ. Достоевскій въ экстазахъ и изступленіяхъ до конца остается христіаниномъ, потому что у него до конца отстается человѣкъ, его ликъ. Глубока противоположность его германскому идеалистическому монизму, который всегда представляетъ собой ересь монофизитскую, отрицаніе самостоятельности человѣческой природы и ея поглощеніе природой божественной. Достоевскій совсѣмъ не монистъ, онъ до конца признаетъ множественность ликовъ, плюральность и сложность бытія. Ему свойственно какое-то изступленное чувство человѣческой личности и вѣчной, неистребимой судьбы ея. Человѣческая личность никогда у него не умираетъ въ Божествѣ, въ божественномъ единствѣ. Онъ всегда ведетъ процессъ съ Богомъ о судьбѣ человѣческой личности, ничего не хочетъ уступить въ этой судьбѣ. Онъ экстатически чувствуетъ и переживаетъ человѣка, а не только Бога. Онъ вѣчно сгораетъ отъ жажды человѣческаго безсмертія. И скорѣе согласится на страшный кошмаръ Свидригайлова о вѣчной жизни въ низкой комнатѣ съ пауками, чѣмъ на исчезновеніе человѣка въ безликомъ монизмѣ. Лучше адъ для человѣческой личности, чѣмъ безличное и безчеловѣческое блаженство. Діалектика о слезинкѣ ребенка, изъ-за которой міръ отвергается, хотя и вложена въ уста атеиста Ивана Карамазова, все же принадлежитъ творческому воображенію самого Достоевскаго. Онъ всегда является адвокатомъ человѣка, предстателемъ за судьбу его.

Какъ глубоко различіе между Достоевскимъ и Толстымъ! У Толстого тонетъ человѣческій ликъ въ органической стихіи. Множественность у него лишь бытовая, лишь въ явленіяхъ органическаго строя жизни. Какъ художникъ и какъ мыслитель, Толстой—монистъ. Безликость, круглость Платона Каратаева для него высшее достиженіе. Человѣкъ не идетъ у него въ самую глубь, онъ—лишь явленіе периферіи бытія. Толстого не мучитъ вопросъ о человѣкѣ, его мучитъ лишь вопросъ о Богѣ. Для Достоевскаго же вопросъ о Богѣ связанъ съ вопросомъ о человѣкѣ. Толстой болѣе теологъ, чѣмъ Достоевскій. Весь Раскольниковъ и весь Иванъ Карамазовъ есть мучительный вопросъ о человѣкѣ, о границахъ, поставленныхъ человѣку. И даже, когда Мышкинъ погружается въ тихое безуміе, остается увѣренность, что ликъ человѣческій не исчезнетъ въ божественномъ экстазѣ. Достоевскій открываетъ намъ

экстазы человѣка, его вихревыя движенія, но никогда и нигдѣ человѣкъ не проваливается у него въ космическую безмѣрность, какъ, наприм., въ творчествѣ А. Бѣлаго. Экстазъ всегда есть лишь движеніе въ глубь человѣка. Исключительный интересъ Достоевскаго къ преступленію былъ чисто-антропологическимъ интересомъ. Это—интересъ къ предѣламъ и окраинамъ человѣческой природы. Но и въ преступленіи, которое у Достоевскаго всегда есть изступленіе, человѣкъ не погибаетъ и не исчезаетъ, а утверждается и возрождается.

Необходимо подчеркнуть еще одну особенность Достоевскаго. Онъ необыкновенно, діавольски уменъ, острота его мысли необычайна, діалектика его страшно сильна. Достоевскій—великій мыслитель въ своемъ художественномъ творчествѣ, онъ прежде всего художникъ мысли. Изъ великихъ художниковъ міра по силѣ ума съ нимъ можетъ быть отчасти сопоставленъ лишь одинъ Шекспиръ, тоже великій изслѣдователь человѣческой природы. Творенія Шекспира полны пронизывающей остроты ума,—ума Возрожденія. Бездна ума, иного, но еще болѣе необъятнаго и пронизывающаго открывается у Достоевскаго. Однѣ—„Записки изъ подполья“ и „Легенда о великомъ инквизиторѣ“ представляютъ необъятныя умственныя богатства. Онъ былъ даже слишкомъ уменъ для художника, умъ его мѣшалъ достиженію художественнаго катарсиса. И вотъ нужно отмѣтить, что діонисичность и экстатичность Достоевскаго не угашали его ума и мысли, какъ это часто случается, не топили остроты ума и мысли въ безумномъ, божественномъ опьянѣніи. Мистикъ-Достоевскій, врагъ и изобличитель раціонализма и интеллектуализма, обожалъ мысль, былъ влюбленъ въ діалектику. Достоевскій представляетъ необычайное явленіе оргійности, экстатичности самой мысли, онъ опьяненъ силой своего ума. Мысль его всегда вихревая, оргійно-изступленная, но отъ этого она не теряетъ въ силѣ и остротѣ. На примѣрѣ своего творчества Достоевскій показалъ, что преодолѣніе раціонализма и раскрытіе ирраціональности жизни не есть непремѣнно умаленіе ума, что сама острота ума способствуетъ раскрытію ирраціональности. Эта оригинальная особенность Достоевскаго связана съ тѣмъ, что у него человѣкъ остается до конца, никогда не растворяется въ безликомъ единствѣ. Поэтому онъ остро знаетъ противоположности. Въ монизмѣ германскаго типа есть глубина, но нѣтъ остроты, пронзительности мысли, даруемой знаніемъ противоположностей, все тонетъ въ единствѣ. Гете былъ необъятно геніаленъ, но не приходитъ въ голову сказать про него, что онъ былъ необъятно уменъ, въ умѣ его не было остроты, не было пронизывающаго проникновенія въ противоположности. Достоевскій всегда мыслилъ противоположностями и этимъ обострялъ свою мысль. Монофизитство притупляетъ остроту мысли. Достоевскій же всегда видѣлъ въ глубинѣ не только Бога, но и человѣка, не

только единое, но и множественное, не только одно, но и противоположное ему. Острота его мысли есть полярность мысли. Достоевскій—великій, величайшій мыслитель прежде всего въ своемъ художественномъ творчествѣ, въ своихъ романахъ. Въ публицистическихъ статьяхъ сила и острота его мысли ослаблена и притуплена. Въ его славянофильско-почвенной и православной идеологіи сняты тѣ противоположности и полярности, которыя открывались его геніально-острому уму. Онъ былъ посредственнымъ публицистомъ, и когда онъ начиналъ проповѣдывать, уровень его мысли понижался, идеи его упрощались. Даже прославленная его рѣчь о Пушкинѣ очень преувеличена. Мысли этой рѣчи и мысли „Дневника писателя“ слабы и безцвѣтны по сравненію съ мыслями Ивана Карамазова, Версилова или Кирилова, съ мыслями „Легенды о великомъ инквизиторѣ“ или „Записокъ изъ подполья“.

Много разъ уже отмѣчали, что Достоевскій, какъ художникъ, мучителенъ, что нѣтъ у него художественнаго очищенія и исхода. Выхода искали въ положительныхъ идеяхъ и вѣрованіяхъ Достоевскаго, раскрытыхъ частью въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, частью въ „Дневникѣ писателя“. Это—ложное отношеніе къ Достоевскому. Онъ мучитъ, но никогда не оставляетъ во тьмѣ, въ безвыходности. У него всегда есть экстатическій выходъ. Онъ влечетъ своимъ вихремъ за всѣ грани, разрываетъ грани всякой темноты. Тотъ экстазъ, который испытывается при чтеніи Достоевскаго, уже самъ по себѣ есть выходъ. Выхода этого нужно искать не въ доктринахъ и идеологическихъ построеніяхъ Достоевскаго-проповѣдника и публициста, не въ „Дневникѣ писателя“, а въ его романахъ-трагедіяхъ, въ томъ художественномъ гнозисѣ, который въ нихъ раскрывается. Ошибочно было бы платформировать на не вполнѣ удавшемся образѣ Алеши, какъ свѣтломъ выходѣ изъ тьмы Ивана и Дмитрія и раньше накопившейся тьмы Раскольникова, Ставрогина, Версилова. Это было бы доктринерское отношеніе къ творчеству Достоевскаго. Выходъ есть безъ проповѣдей и нравоученій, въ великомъ озареніи экстатическаго знанія, въ самомъ погруженіи въ огненную человѣческую стихію. Достоевскій бѣденъ въ теологіи, онъ богатъ лишь въ антропологіи. Бога раскрываетъ онъ лишь въ своихъ антропологическихъ изслѣдованіяхъ. Глубоко поставленъ у Достоевскаго лишь вопросъ о человѣкѣ. Вопросъ объ обществѣ и государствѣ у него ставится не очень оригинально. Его проповѣдь теократіи почти банальна. Не въ ней нужно искать его силы. Выше всего и первѣе всего для Достоевскаго—душа человѣческая, она стоитъ больше всѣхъ царствъ и всѣхъ міровъ, всей міровой исторіи, всего прославленнаго прогресса. Въ процессѣ Мити Карамазова Достоевскій раскрылъ несоизмѣримость холодной, объективной, нечеловѣческой государственности съ душой человѣческой, неспособность государственности проникнуть въ правду

души. Но природу государства онъ понималъ плохо. Достоевскаго считаютъ криминалистомъ по темамъ и интересамъ. Онъ больше всѣхъ сдѣлалъ для раскрытія психологіи преступленія. Но это лишь методъ, которымъ онъ ведетъ свое изслѣдованіе надъ ирраціональностью человѣческой природы и несоизмѣримостью ея ни съ какимъ строемъ жизни, ни съ какой раціональной государственностью, ни съ какими задачами исторіи и прогресса. Достоевскій—огненная религіозная натура и самый христіанскій изъ писателей. Но христіанинъ онъ прежде всего и больше всего въ своихъ художественныхъ откровеніяхъ о человѣкѣ, а не въ проповѣдяхъ и не въ доктринахъ.

IV.

Достоевскій сдѣлалъ великое антропологическое открытіе и въ этомъ нужно прежде всего видѣть его художественное, философское и религіозное значеніе. Что же это за открытіе? Всѣ художники изображали человѣка и много было среди нихъ психологовъ. Какимъ тонкимъ психологомъ былъ, наприм., Стендаль. Шекспиръ раскрылъ многообразный и богатый человѣческій міръ. Въ творчествѣ Шекспира открылась шипучая игра человѣческихъ силъ, выпущенныхъ на свободу въ эпоху Возрожденія. Но открытія Достоевскаго не могутъ быть сопоставлены ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ. И постановка темы о человѣкѣ и способы разрѣшенія ея у него совершенно исключительны и единственны. Онъ интересовался вѣчной сущностью человѣческой природы, ея скрытой глубиной, до которой никто еще не добирался. И не статика этой глубины интересовала его, а ея динамика, ея какъ бы въ самой вѣчности совершающееся движеніе. Это движеніе совершенно внутреннее, не подчиненное внѣшней эволюціи въ исторіи. Достоевскій раскрываетъ не феноменальную, а онтологическую динамику. Въ самой послѣдней глубинѣ человѣка, въ бытійственной безднѣ—не покой, а движеніе. Всѣмъ видима игра человѣческихъ страстей въ явленіяхъ человѣческой психики, на периферіи бытія. Но Достоевскій открылъ трагическое противорѣчіе и трагическое движеніе въ самомъ послѣднемъ пластѣ бытія человѣка, гдѣ оно погружено уже въ неизъяснимое божественное бытіе, не исчезая въ немъ. Слишкомъ извѣстны слова Мити Карамазова: „Красота—это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопредѣлимая, а опредѣлить нельзя, потому что Богъ задалъ однѣ загадки. Тутъ берега сходятся, тутъ всѣ противорѣчія вмѣстѣ живутъ... Красота! Перенести я притомъ не могу, что иной, высшій даже сердцемъ человѣкъ и съ умомъ высокимъ, начинаетъ съ идеала Мадонны, а кончаетъ идеаломъ Содомскимъ. Еще страшнѣе, кто уже съ идеаломъ Содомскимъ въ душѣ не отрицаетъ и идеалы Мадонны, и горитъ

отъ него сердце его, и воистину, воистину горитъ, какъ и въ юные, безпорочные годы. Нѣтъ, широкъ человѣкъ, слишкомъ даже широкъ я бы сузилъ". Всѣ герои Достоевскаго—онъ самъ, одна изъ сторонъ его безконечно богатаго и безконечно сложнаго духа, и онъ всегда влагаетъ въ уста своихъ героевъ свои собственныя геніальныя мысли. И вотъ оказывается, что красота,—высочайшій образъ онтологическаго совершенства, о которой въ другомъ мѣстѣ говорится, что она должна міръ спасти,—представлялась Достоевскому противорѣчивой, двоящейся, страшной, ужасной. Онъ не созерцаетъ божественный покой красоты, ея платоновскую идею, онъ видитъ до самаго конца, до послѣдней глубины ея огненное, вихревое движеніе, ея полярность. Красота раскрывается ему лишь черезъ человѣка, черезъ широкую, слишкомъ широкую, таинственную, противорѣчивую, вѣчно движущуюся природу человѣка. Онъ не созерцаетъ красоты въ космосѣ, въ божественномъ міропорядкѣ. Отсюда—вѣчное безпокойство. „Красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тутъ діаволъ съ Богомъ борется, а поле битвы—сердца людей". Различіе между „божескимъ" и „діавольскимъ" не совпадаетъ у Достоевскаго съ обычнымъ различіемъ между „добромъ" и „зломъ". Въ этомъ—тайна антропологіи Достоевскаго. Различіе между добромъ и зломъ периферично. Огненная же полярность идетъ до самой глубины бытія, она присуща самому высшему—красотѣ. Если бы Достоевскій раскрылъ свое ученіе о Богѣ, то онъ долженъ былъ бы признать двойственность въ самой божественной природѣ, яростное и темное начало въ самой глубинѣ божественной природы. Онъ пріоткрываетъ эту истину черезъ свою геніальную антропологію. Достоевскій былъ антиплатоникомъ.

И Ставрогинъ говоритъ о равной притягательности двухъ противоположныхъ полюсовъ, идеала Мадонскаго и идеала Содомскаго. Это не есть просто борьба добра со зломъ въ человѣческомъ сердцѣ. Въ томъ-то и дѣло, что для Достоевскаго человѣческое сердце въ самой первоосновѣ своей—полярно, и эта полярность порождаетъ огненное движеніе, не допускаетъ покоя. Покой, единство въ человѣческомъ сердцѣ, въ человѣческой душѣ видятъ не тѣ, которые заглянули въ самую глубину, какъ Достоевскій, а тѣ, которые боятся заглянуть въ бездну и остаются на поверхности. У Достоевскаго было до глубины антиномическое отношеніе къ злу. Онъ всегда хотѣлъ познать тайну зла, въ этомъ онъ былъ гностикомъ, онъ не отодвигалъ зла въ сферу непознаваемаго, не выбрасывалъ его вовнѣ. Зло было для него зломъ, зло горѣло у него въ адскомъ огнѣ, онъ страстно стремился къ побѣдѣ надъ зломъ. Но онъ хотѣлъ что-то сдѣлать со зломъ, претворить его въ благородный металлъ, въ высшее божественное бытіе и этимъ спасти зло, т.-е. подлинно его побѣдить, а не оставить во внѣшней

тьмѣ. Это—глубоко мистическій мотивъ въ Достоевскомъ, откровеніе его великаго сердца, его огненной любви къ человѣку и Христу. Отпаденіе, раздвоеніе, отщепенство никогда не являлось для Достоевскаго просто грѣхомъ, это для него также—путь. Онъ не читаетъ морали надъ жизненной трагедіей Раскольникова, Ставрогина, Кирилова, Версилова, Дмитрія и Ивана Карамазова, не противопоставляетъ имъ элементарныхъ истинъ катехизиса. Зло должно быть преодолѣно и побѣждено, но оно даетъ обогащающій опытъ, въ раздвоеніи многое открывается, оно обогащаетъ, даетъ знаніе. Зло также и путь человѣка. И всякій, кто прошелъ черезъ Достоевскаго и пережилъ его, познаетъ тайну раздвоенія, получилъ знаніе противоположностей, вооружился въ борьбѣ со зломъ новымъ могущественнымъ оружіемъ—знаніемъ зла, получилъ возможность преодолѣть его изнутри, а не внѣшне лишь бѣжать отъ него и отбрасывать его, оставаясь безсильнымъ надъ его темной стихіей. Человѣкъ совершаетъ путь свой черезъ развитіе героевъ Достоевскаго и достигаетъ зрѣлости, внутренней свободы въ отношеніи ко злу. Но есть у Достоевскаго выдѣленіе двойниковъ, обратныхъ подобій въ призрачномъ бытіи, отбросовъ путей развитія. Эти существа не имѣютъ самостоятельнаго существованія, они живутъ призрачной жизнью. Таковы Свидригайловъ, Петръ Верховенскій, вѣчный мужъ, Смердяковъ. Это—солома, ихъ не существуетъ. Существа эти влачатъ вампирическое существованіе.

V.

Первыя свои открытія о человѣческой природѣ, и очень существенныя, Достоевскій дѣлаетъ въ „Запискахъ изъ подполья“ и завершаетъ онъ эти свои открытія въ „Легендѣ о великомъ инквизиторѣ“. Прежде всего онъ въ корнѣ отрицаетъ, что человѣкъ по природѣ своей стремится къ выгодѣ, къ счастью, къ удовлетворенію, что природа человѣческая раціональна. Въ человѣкѣ заложена потребность въ произволѣ, въ свободѣ превыше всякаго блага, свободѣ безмѣрной. Человѣкъ—существо ирраціональное. „Я нисколько не удивляюсь,—говоритъ герой „Записокъ изъ подполья“,—если вдругъ ни съ того, ни съ сего, среди всеобщаго будущаго благоразумія возникнетъ какой-нибудь джентльменъ, съ неблагородной или, лучше сказать, съ ретроградной и насмѣшливой физіономіей, упретъ руки въ боки и скажетъ намъ всѣмъ: а что, господа, не столкнуть ли намъ все это благоразуміе съ одного разу, ногой, прахомъ, единственно съ тою цѣлью, чтобы всѣ эти логариѳмы отправить къ чорту, и *чтобъ намъ опять по своей глупой волѣ пожить!* (курсивъ мой. *Н. Б.*). Это бы еще ничего, но обидно то, что вѣдь непремѣнно послѣдователей найдетъ; такъ человѣкъ устро-

енъ. И все это отъ самой пустѣйшей причины, о которой бы, кажется, и упоминать не стоитъ: именно оттого, что человѣкъ, всегда и вездѣ, кто бы онъ ни былъ, любилъ дѣйствовать такъ, какъ хотѣлъ, а вовсе не такъ, какъ повелѣвали ему разумъ и выгода; хотѣть же можно и противъ собственной выгоды, а иногда и положительно должно. Свое собственное, вольное и свободное хотѣнье, свой собственный, хотя бы самый дикій капризъ, своя фантазія, раздраженная иногда хотя бы даже до сумасшествія,—вотъ это-то все и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни подъ какую классификацію не подходитъ и отъ которой всѣ системы и теоріи постоянно разлетаются къ чорту. И съ чего это взяли всѣ эти мудрецы, что человѣку надо какого-то нормальнаго, какого-то добровольнаго хотѣнія? Съ чего это непремѣнно вообразили они, что человѣку надо непремѣнно благоразумно-выгоднаго хотѣнія? Человѣку надо одного только *самостоятельнаго* хотѣнья, чего бы эта самостоятельность ни стоила и къ чему бы ни привела". Въ этихъ словахъ дана уже въ зачаточномъ видѣ та геніальная діалектика о человѣкѣ, которая дальше развивается черезъ судьбу всѣхъ героевъ Достоевскаго и въ положительной формѣ завершается въ „Легендѣ о великомъ инквизиторѣ". „Есть одинъ только случай, только одинъ, когда человѣкъ можетъ нарочно, сознательно пожелать себѣ даже вреднаго, глупаго, даже глупѣйшаго, а именно: чтобы *имѣть право* пожелать себѣ даже и глупѣйшаго и не быть связаннымъ обязанностью желать себѣ одного только умнаго. Вѣдь это глупѣйшее, вѣдь этотъ свой капризъ и въ самомъ дѣлѣ, господа, можетъ быть всего выгоднѣе для нашего брата изъ всего, что есть на землѣ, особенно въ иныхъ случаяхъ. А въ частности можетъ быть выгоднѣе всѣхъ выгодъ даже и въ томъ случаѣ, если приноситъ намъ явный вредъ и противорѣчитъ самымъ здравымъ заключеніямъ нашего разсудка о выгодахъ, потому что во всякомъ случаѣ *сохраняетъ намъ самое главное и самое дорогое, т.-е. нашу личность и нашу индивидуальность*" (курсивъ мой. *Н. Б.*). Человѣкъ—не ариѳметика, человѣкъ—существо проблематическое и загадочное. Природа человѣческая—полярна и антиномична до самаго конца. „Чего же можно ожидать отъ человѣка, какъ отъ существа, одареннаго такими странными качествами?" Достоевскій наноситъ ударъ за ударомъ всѣмъ теоріямъ и утопіямъ человѣческаго благополучія, человѣческаго земного блаженства, окончательнаго устроенія и гармоніи. „Человѣкъ пожелаетъ самаго пагубнаго вздора, самой неэкономической безсмыслицы, единственно для того, чтобы ко всему этому положительному благоразумію примѣшать свой пагубный фантастическій элементъ. Именно свои фантастическія мечты, свою пошлѣйшую глупость пожелаетъ удержать за собой, единственно для того, чтобы самому себѣ подтвердить, что люди

все еще люди, а не фортепіанныя клавиши". „Если вы скажете, что и это все можно расчитать по табличкѣ, и хаосъ, и мракъ, и проклятіе, такъ что ужъ одна возможность предварительнаго расчета все остановитъ и разсудокъ возьметъ свое,—такъ человѣкъ нарочно сумасшедшимъ на этотъ случай сдѣлается, чтобы не имѣть разсудка и настоять на своемъ! Я вѣрю въ это, я отвѣчаю за это, потому что *въдь все дѣло-то человѣческое, кажется, и дѣйствительно въ томъ только и состоитъ, чтобы человѣкъ поминутно доказывалъ себѣ, что онъ человѣкъ, а не штифтикъ*" (курсивъ мой. *Н. Б.*). Достоевскій раскрываетъ несоизмѣримость свободной, противорѣчивой и ирраціональной человѣческой природы съ раціоналистическимъ гуманизмомъ, съ раціоналистической теоріей прогресса, съ до конца раціонализированнымъ соціальнымъ устроеніемъ, со всѣми утопіями о хрустальныхъ дворцахъ. Все это представляется ему унизительнымъ для человѣка, для человѣческаго достоинства. „Какая ужъ тутъ своя воля будетъ, когда дѣло доходитъ до таблички и до ариѳметики, когда будетъ одно только дважды два четыре въ ходу? Дважды два и безъ моей воли четыре будетъ. Такая ли своя воля бываетъ!" „Не потому ли, можетъ быть, человѣкъ такъ любитъ разрушеніе и хаосъ, что самъ инстинктивно боится достигнуть цѣли и довершить созидаемое зданіе?... И, кто знаетъ, можетъ быть, что и вся-то цѣль на землѣ, къ которой человѣчество стремится, только и заключается въ одной этой безпрерывности процесса достиженія, иначе сказать—въ самой жизни, а не собственно въ цѣли, которая, разумѣется, должна быть не иное что, какъ дважды два четыре, т.-е. формула, а вѣдь *дважды два четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти*" (курсивъ мой). Ариѳметика не примѣнима къ человѣческой природѣ. Тутъ нужна высшая математика. Въ человѣкѣ, глубоко взятомъ, есть потребность въ страданіи, есть презрѣніе къ благополучію. „И почему вы такъ твердо, такъ торжественно увѣрены, что только одно нормальное и положительное, однимъ словомъ,—только одно благоденствіе человѣку выгодно? Не ошибается ли разумъ-то въ выгодахъ? Вѣдь, можетъ быть, человѣкъ любитъ не одно благоденствіе? Можетъ быть, онъ равно настолько же любитъ страданіе? Можетъ быть, страданіе-то ему равно настолько же выгодно, какъ благоденствіе? А человѣкъ иногда ужасно любитъ страданіе, до страсти... Я увѣренъ, что человѣкъ отъ настоящаго страданія, т.-е. отъ разрушенія и хаоса, никогда не откажется. Страданіе,—да вѣдь это единственная причина сознанія". Въ этихъ изумительныхъ по остротѣ мысляхъ героя изъ подполья Достоевскій полагаетъ основаніе своей новой антропологіи, которая раскрывается въ судьбѣ Раскольникова, Ставрогина, Мышкина, Версилова, Ивана и Дмитрія Карамазова. Л. Шестовъ указалъ на огромное значеніе „Записокъ изъ подполья", но онъ подо-

шелъ къ этому произведенію исключительно со стороны подпольной психологіи и далъ одностороннее истолкованіе Достоевскаго.

VI.

Нужно считать установленнымъ, что творчество Достоевскаго распадается на два періода—до „Записокъ изъ подполья“ и послѣ „Записокъ изъ подполья“. Между этими двумя періодами съ Достоевскимъ произошелъ духовный переворотъ, послѣ котораго ему открылось что-то новое о человѣкѣ. Послѣ этого только и начинается настоящій Достоевскій, авторъ „Преступленія и наказанія“, „Идіота“, „Бѣсовъ“, „Подростка“, „Братьевъ Карамазовыхъ“. Въ первый періодъ, когда Достоевскій писалъ „Бѣдные люди“, „Записки изъ мертваго дома“, „Униженные и оскорбленные“, онъ былъ еще гуманистомъ, прекраснодушнымъ, наивнымъ, несвободнымъ отъ сантиментальности гуманистомъ. Онъ находился еще подъ вліяніемъ идей Бѣлинскаго, и въ творчествѣ его чувствовалось вліяніе Жоржъ-Зандъ, В. Гюга, Диккенса. И тогда уже обнаружились особенности Достоевскаго, но онъ еще не сталъ вполнѣ самимъ собой. Въ этотъ періодъ онъ былъ еще „Шиллеръ“. Этимъ именемъ любилъ онъ впослѣдствіи называть прекрасныя души, поклонниковъ всего „высокаго и прекраснаго“. Тогда уже пафосомъ Достоевскаго было состраданіе къ человѣку, ко всѣмъ униженнымъ и оскорбленнымъ. Начиная съ „Записокъ изъ подполья“, чувствуется человѣкъ, познавшій добро и зло, прошедшій черезъ раздвоеніе. Онъ дѣлается врагомъ стараго гуманизма, изобличителемъ гуманистическихъ утопій и иллюзій. Въ немъ соединяются полярности страстнаго человѣколюбія и человѣконенавистничества, огненнаго состраданія къ человѣку и жестокости. Онъ унаслѣдовалъ гуманизмъ русской литературы, русское состраданіе ко всѣмъ обойденнымъ, обиженнымъ и падшимъ, русское чувство цѣнности человѣческой души. Но онъ преодолѣлъ наивныя, элементарныя основы стараго гуманизма, и ему открылся совершенно новый, трагическій гуманизмъ. Въ этомъ отношеніи Достоевскій можетъ быть сопоставленъ лишь съ Ницше, въ которомъ кончился старый европейскій гуманизмъ и по-новому была поставлена трагическая проблема о человѣкѣ. Много разъ уже указывали на то, что Достоевскій предвидѣлъ идеи Ницше. Оба они глашатаи новаго откровенія о человѣкѣ, оба прежде всего великіе антропологи, у обоихъ антропологія—апокалиптична, подходитъ къ краямъ, предѣламъ и концамъ. И то, что говоритъ Достоевскій о человѣкобогѣ и Ницше о сверхчеловѣкѣ, есть апокалиптическая мысль о человѣкѣ. Такъ ставится проблема человѣка Кириловымъ. Образъ Кирилова въ „Бѣсахъ“ есть самая кристальная, почти ангельски чистая идея освобожденія человѣка отъ власти всякаго страха и достиженія состоянія божественнаго. „Кто побѣдитъ боль и

страхъ, тотъ самъ станетъ Богъ. Тогда новая жизнь, тогда новый человѣкъ, все новое". „Будетъ богомъ человѣкъ и перемѣнится физически. И міръ перемѣнится, и дѣла перемѣнятся, и мысли и всѣ чувства". „Всякій, кто хочетъ главной свободы, тотъ долженъ смѣть убить себя... Кто смѣетъ убить себя, тотъ Богъ". Въ другомъ разговорѣ Кириловъ говоритъ: „Онъ придетъ, и имя ему будетъ человѣкобогъ". „Богочеловѣкъ?", переспрашиваетъ Ставрогинъ. „Человѣкобогъ, въ этомъ разница". Этимъ противоположеніемъ потомъ очень злоупотребляли въ русской религіозно-философской мысли. Идея человѣкобога, явленная Кириловымъ въ ея чистой духовности, есть моментъ въ геніальной діалектикѣ Достоевскаго о человѣкѣ и его пути. Богочеловѣкъ и человѣкобогъ—полярности человѣческой природы. Это—два пути—отъ Бога къ человѣку и отъ человѣка къ Богу. У Достоевскаго не было безповоротно отрицательнаго отношенія къ Кирилову, какъ къ выразителю антихристова начала. Путь Кирилова—путь героическаго духа, побѣждающаго всякій страхъ, устремленнаго къ горней свободѣ. Но Кириловъ есть одно изъ началъ человѣческой природы, само по себѣ недостаточное, одинъ изъ полюсовъ духа. Исключительное торжество этого начала ведетъ къ гибели. Но Кириловъ у Достоевскаго есть неизбѣжный моментъ въ откровеніи о человѣкѣ. Онъ необходимъ для антропологическихъ изслѣдованій Достоевскаго. У Достоевскаго совсѣмъ не было желанія прочесть мораль о томъ, какъ плохо стремиться къ человѣкобожеству. У него всегда дана имманентная діалектика. Кириловъ—антропологическій экспериментъ въ чистомъ горномъ воздухѣ.

Тѣмъ же методомъ имманентной діалектики раскрываетъ Достоевскій божественныя основы человѣка, образъ Божій въ человѣкѣ, въ силу чего не „все дозволено". Эта тема о томъ, все ли дозволено, т.-е. каковы границы и возможности человѣческой природы, упорно интересовала Достоевскаго, и онъ вѣчно къ ней возвращается. Это—тема Раскольникова и Ивана Карамазова. Ни Раскольниковъ, человѣкъ мысли и дѣйствій, ни Иванъ Карамазовъ, исключительно человѣкъ мысли, не могли переступить границу, они всей трагедіей своей жизни отвергаютъ, что все дозволено. Но почему же не дозволено? Можно ли сказать, что они испугались стоящаго надъ ними закона, нормы? Можно ли сказать, что они испугались, почувствовали себя обыкновенными людьми? Антропологическая діалектика Достоевскаго ведется иначе. Изъ безконечной цѣнности всякой человѣческой души, хотя бы самой послѣдней, всякой человѣческой личности выводитъ онъ, что не все позволено, не позволено попираніе человѣческаго лица, обращеніе его въ простое средство. Суженіе объема возможностей вытекаетъ у него изъ безконечнаго расширенія объема возможностей всякой человѣческой души. Преступное посягательство на человѣка есть посягательство на безко-

нечность, на безконечныя возможности. Достоевскій всегда утверждаетъ безконечную, божественную цѣнность человѣческой души, человѣческой личности противъ всякихъ посягательствъ, одинаково какъ противъ преступленія, такъ и противъ теоріи прогресса. Это—какое-то изступленное чувство личности и личной судьбы. Принято думать, что Достоевскаго всю жизнь болѣе всего мучилъ вопросъ о безсмертіи души. Но вопросъ о безсмертіи и былъ для него вопросомъ о природѣ человѣка и о человѣческой судьбѣ. Это—интересъ антропологическій. Не только вопросъ о безсмертіи, но и вопросъ о Богѣ подчиненъ у Достоевскаго вопросу о человѣкѣ и его вѣчной судьбѣ. Богъ у него раскрывается въ глубинѣ человѣка и черезъ человѣка. Богъ и безсмертіе раскрываются черезъ любовь людей, отношеніе человѣка къ человѣку. Но самъ человѣкъ страшно повышенъ у него въ рангѣ, вознесенъ на небывалую высоту. Слезинка ребенка, плачъ дитё—все это вопросъ о человѣческой судьбѣ, поставленный любовью. Изъ-за судьбы человѣка въ этомъ мірѣ готовъ былъ Достоевскій не принять міра Божьяго. Вся діалектика Ивана Карамазова, какъ и другихъ его героевъ,—его собственная діалектика. Но у самого Достоевскаго все сложнѣе и богаче чѣмъ у его героевъ, онъ знаетъ больше ихъ. Главное у Достоевскаго нужно искать не въ смиреніи („смирись, гордый человѣкъ“), не въ сознаніи грѣха, а въ тайнѣ человѣка, въ свободѣ. У Л. Толстого человѣкъ—подзаконенъ. У Достоевскаго человѣкъ—въ благодати, въ свободѣ.

VII.

Вершины своего сознанія Достоевскій достигаетъ въ „Легендѣ о великомъ инквизиторѣ“. Тутъ завершаются его антропологическія откровенія, и проблема человѣка ставится въ новомъ религіозномъ свѣтѣ. Въ „Запискахъ изъ подполья“ человѣкъ былъ признанъ существомъ ирраціональнымъ, проблематическимъ, полнымъ противорѣчій, надѣленнымъ жаждой произвола и потребностью въ страданіи. Но тамъ это была лишь усложненная и утонченная психологія. Не было дано еще религіозной антропологіи. Она раскрылась лишь въ легендѣ, разсказанной Иваномъ Карамазовымъ. Она стала возможной лишь послѣ длиннаго и трагическаго пути, пройденнаго человѣкомъ въ „Преступленіи и наказаніи“, „Идіотѣ“, „Бѣсахъ“, „Подросткѣ“. И очень знаменательно, что величайшія свои откровенія Достоевскій повѣдалъ черезъ Ивана Карамазова, онъ облекъ ихъ не форму идеологической проповѣди, а въ прикровенную форму „фантазіи“, въ которой что-то послѣднее просвѣчиваетъ, но остается прикровеннымъ. До конца остается что-то двоящееся, допускающее противоположныя истолкованія, для многихъ почти

вухсмысленное. И все же правъ Алеша, когда онъ восклицаетъ Ивану Поэма твоя есть хвала Іисусу". Да, величайшая хвала, которая когда-либо была произнесена на человѣческомъ языкѣ. Католическая обстановка и обличье поэмы не существенны. И можно совершенно отрѣшиться отъ полемики противъ католичества. Въ поэмѣ этой Достоевскій вплотную сдвигаетъ свою тайну о человѣкѣ съ тайной о Христѣ. Человѣку дороже всего его свобода, и свобода человѣка дороже всего Христу. Великій Инквизиторъ говоритъ: „Свобода ихъ вѣры Тебѣ была дороже всего еще тогда, полторы тысячи лѣтъ назадъ. Не ты ли такъ часто тогда говорилъ: „Хочу сдѣлать васъ свободными"... Великій Инквизиторъ хочетъ сдѣлать людей счастливыми, устроенными и успокоенными, онъ выступаетъ носителемъ вѣчнаго начала человѣческаго благополучія и устроенія. „Онъ ставитъ въ заслугу себѣ и своимъ, что, наконецъ-то, они побороли свободу, и сдѣлали такъ для того, чтобы сдѣлать людей счастливыми... Человѣкъ былъ устроенъ бунтовщикомъ; развѣ бунтовщики могутъ быть счастливыми?" И Великій Инквизиторъ говоритъ съ укоромъ тому, кто явился носителемъ безконечной свободы человѣческаго духа: „Ты отвергъ единственный путь, которымъ можно было сдѣлать людей счастливыми". „Ты хочешь итти въ міръ и идешь съ голыми руками, съ какимъ-то обѣтомъ свободы, котораго они, въ простотѣ своей и въ прирожденномъ безчинствѣ своемъ, не могутъ и осмыслить, котораго боятся они и страшатся, ибо ничего и никогда не было для человѣка и для человѣческаго общества невыносимѣе свободы!" Великій Инквизиторъ принимаетъ первое искушеніе въ пустынѣ,— искушеніе хлѣбами, и на немъ хочетъ основать счастье людей. „Свобода и хлѣбъ земной вдоволь для всякаго вмѣстѣ не мыслимы". Люди „убѣдятся, что не могутъ быть никогда и свободными, потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики. Ты обѣщалъ имъ хлѣбъ небесный, но можетъ ли онъ сравниться въ глазахъ слабаго, вѣчно порочнаго и вѣчно неблагороднаго людского племени съ земнымъ?" И Великій Инквизиторъ обвиняетъ Христа въ аристократизмѣ, въ пренебреженіи „милліонами, многочисленными, какъ песокъ морской, слабыми". Онъ восклицаетъ: „Или тебѣ дороги лишь десятки тысячъ великихъ и сильныхъ?" „Нѣтъ, намъ дороги и слабые". Христосъ отвергъ первое искушеніе „во имя свободы, которую поставилъ выше всего". „Вмѣсто того, чтобъ овладѣть свободой людей, Ты увеличилъ имъ ее еще больше!... Ты взялъ все, что есть необычайнаго, гадательнаго и неопредѣленнаго, взялъ все, что было не по силамъ людей, а потому поступилъ какъ бы и не любя ихъ вовсе... Вмѣсто того, чтобъ овладѣть людской свободой, Ты умножилъ ее и обременилъ ея мученіями душевное царство человѣка во-вѣки. Ты возжелалъ свободной любви человѣка, чтобы свободно пошелъ онъ за Тобою, прельщенный и плѣненный Тобою.

Вмѣсто твердаго древняго закона, свободнымъ сердцемъ долженъ былъ человѣкъ рѣшать впредь самъ, что̀ добро и что̀ зло, имѣя лишь въ руководствѣ Твой образъ предъ собою". „Ты не сошелъ съ креста потому, что опять-таки не захотѣлъ поработить человѣка чудомъ, и жаждалъ свободной вѣры, а не чудесной. Жаждалъ свободной любви, а не рабскихъ восторговъ невольника предъ могуществомъ, разъ навсегда его ужаснувшимъ. Но и тутъ Ты судилъ о людяхъ слишкомъ высоко, ибо, конечно, они невольники". „Столь уважая человѣка, Ты поступилъ, какъ бы переставъ ему сострадать, потому что слишкомъ много отъ него и потребовалъ... Уважая его менѣе, менѣе бы отъ него и потребовалъ, а это было бы ближе къ любви, ибо легче была бы ноша его". „Ты можешь съ гордостью указать на этихъ дѣтей свободы, свободной любви, свободной и великолѣпной жертвы ихъ во имя Твое. Но вспомни, что ихъ было всего только нѣсколько тысячъ, да и то боговъ, а остальные? И чѣмъ виноваты остальные слабые люди, что не могли вытерпѣть того, что̀ могучіе? Чѣмъ виновата слабая душа, что не въ силахъ вмѣстить столь страшныхъ даровъ? Да неужто же и впрямь приходилъ Ты лишь къ избраннымъ и для избранныхъ?" И Великій Инквизиторъ восклицаетъ: „Мы не съ Тобой, а съ *нимъ*, вотъ наша тайна!" И онъ рисуетъ картину счастья и успокоенія милліоновъ слабыхъ существъ, лишенныхъ свободы. И онъ говоритъ въ концѣ: „Я ушелъ отъ гордынь, и воротился къ смертнымъ для счастья этихъ смертныхъ". Въ свое оправданіе онъ указываетъ „на тысячи милліоновъ счастливыхъ младенцевъ".

Въ этой геніальной метафизической поэмѣ, быть можетъ, величайшей изъ всего написаннаго людьми, Достоевскій раскрываетъ борьбу двухъ міровыхъ началъ—Христова и Антихристова, свободы и принужденія. Говоритъ все время Великій Инквизиторъ, врагъ свободы, презирающій человѣка, желающій осчастливить черезъ принужденіе. Но въ этой отрицательной формѣ Достоевскій раскрываетъ свое положительное ученіе о человѣкѣ, о его безконечномъ достоинствѣ, о его безконечной свободѣ. То, что въ отрицательной формѣ было пріоткрыто въ „Запискахъ изъ подполья", то въ положительной формѣ открывается въ этой поэмѣ. Это—поэма о гордой, горной свободѣ человѣка, о безконечно высокомъ его призваніи, о безконечныхъ силахъ, заложенныхъ въ человѣкѣ. Въ поэму эту вложено совершенно исключительное чувство Христа. Поражаетъ сходство духа Христова съ духомъ Заратустры. Антихристово начало это—не Кириловъ съ его стремленіемъ къ человѣкобожеству, а Великій Инквизиторъ съ его стремленіемъ лишить людей свободы во имя счастья. Антихристъ у Вл. Соловьева имѣетъ черты, родственныя съ Великимъ Инквизиторомъ. Духъ Христовъ дорожитъ свободой больше счастья, духъ Антихристовъ дорожитъ счастьемъ больше

свободы. Высшее, богоподобное достоинство человѣка требуетъ права на произволъ и на страданіе. Человѣкъ—существо трагическое, и въ этомъ знакъ его принадлежности не только этому, но и иному міру. Для трагическаго существа, заключающаго въ себѣ безконечность, окончательное устроеніе, покой и счастье на землѣ возможны лишь путемъ отреченія отъ свободы, отъ образа Божьяго въ себѣ. Мысли подпольнаго человѣка претворились въ новыя христіанскія откровенія, онѣ прошли черезъ очистительный огонь всѣхъ трагедій Достоевскаго. „Легенда о Великомъ Инквизиторѣ“ есть откровеніе о человѣкѣ, поставленное въ интимную связь съ откровеніемъ о Христѣ. Это—аристократическая антропологія. Антихристъ можетъ принимать разныя, самыя противоположныя обличья, отъ самаго католическаго до самаго соціалистическаго, отъ самаго цезаристскаго до самаго демократическаго. Но Антихристово начало всегда есть вражда къ человѣку, истребленіе достоинства человѣка. Тотъ ослѣпительный обратный свѣтъ, который падаетъ отъ демоническихъ словъ Великаго Инквизитора, заключаетъ въ себѣ бо́льшее религіозное откровеніе и откровеніе христіанское, чѣмъ поученія Зосимы, чѣмъ образъ Алеши. Здѣсь нужно искать ключъ къ великимъ антропологическимъ откровеніямъ Достоевскаго, къ его положительной религіозной идеѣ о человѣкѣ.

VIII.

„Почвенная“ идеологія самого Достоевскаго, которую онъ развивалъ въ своей публицистикѣ, его религіозное народничество находится въ противорѣчіи съ его собственнымъ откровеніемъ о человѣкѣ. Въ романахъ его скрывалась иная геніальная идеологія, глубокая метафизика жизни и метафизика человѣка. Достоевскій былъ народникъ, но онъ никогда не изображалъ народа. Исключеніе составляли „Записки изъ мертваго дома“, но и тамъ взятъ міръ преступниковъ, а не народъ въ его обыденной, бытовой жизни. Статика народной, крестьянской жизни, ея бытъ не интересовали его. Онъ—писатель города, городского интеллигентнаго слоя или слоя мелкихъ чиновниковъ и мѣщанъ. Въ жизни города, преимущественно Петербурга, и въ душѣ горожанина, оторвавшагося отъ народной почвы, открывалъ онъ исключительную динамику, обнаруживалъ окраины человѣческой природы. Въ вихревомъ движеніи, на окраинахъ находятся и всѣ эти капитаны Лебядкины, Снегиревы и пр. Его не интересовали люди крѣпкаго почвеннаго уклада, люди земли, бытовики, вѣрные почвеннымъ, бытовымъ традиціямъ. Онъ всегда бралъ человѣческую природу расплавленной въ огненной атмосферѣ. И не интересна, не нужна ему была человѣческая природа, охлажденная, статически застывшая. Онъ интересовался лишь отщепенцами, онъ лю-

билъ русскаго скитальца. Онъ раскрылъ въ русской душѣ источникъ вѣчнаго движенія, странствованія, исканія новаго Града. По Достоевскому для русской души характерна не почвенность, не плаваніе въ крѣпкихъ берегахъ, а переливъ души за всѣ грани и предѣлы. Достоевскій показалъ образъ русскаго человѣка въ безпредѣльности. Почвенное же существованіе есть существованіе въ предѣлѣ.

Творчество Достоевскаго полно не только откровеній о человѣческой природѣ вообще, но и особыхъ откровеній о природѣ русскаго человѣка, о русской душѣ. Въ этомъ никто не можетъ съ нимъ сравниться. Онъ проникъ въ глубочайшую метафизику русскаго духа. Достоевскій раскрылъ полярность русскаго духа, какъ глубочайшую его особенность. Какъ отличается въ этомъ русскій духъ отъ монизма духа германскаго! Когда германецъ погружается въ глубину своего духа, онъ въ глубинѣ находитъ божественность, всѣ полярности и противорѣчія снимаются. И потому это такъ, что для германца въ глубинѣ снимается человѣкъ, человѣкъ существуетъ лишь на периферіи, лишь въ явленіи, а не въ сущности. Русскій человѣкъ болѣе противорѣчивъ и антиномиченъ, чѣмъ западный, въ немъ соединяется душа Азіи и душа Европы, Востокъ и Западъ. Это раскрываетъ великія возможности для русскаго человѣка. Человѣкъ былъ менѣе раскрытъ и менѣе активенъ въ Россіи, чѣмъ на Западѣ, но онъ сложнѣе и богаче въ своей глубинѣ, во внутренней своей жизни. Природа человѣка, человѣческой души должна болѣе всего раскрыться въ Россіи. Въ Россіи возможна новая религіозная антропологія. Отщепенство, скитальчество и странничество—русскія черты. Западный человѣкъ почвеннѣе, онъ болѣе вѣренъ традиціямъ и болѣе подчиненъ нормамъ. Широкъ русскій человѣкъ. Ширь, необъятность, безграничность—не только матеріальное свойство русской природы, но и ея метафизическое, духовное свойство, ея внутреннее измѣреніе. Достоевскій раскрылъ жуткую, огненно-страстную русскую стихію, которая была скрыта отъ Толстого и отъ писателей-народниковъ. Онъ художественно раскрылъ въ культурномъ, интеллигентномъ слоѣ ту же жуткую, сладострастную стихію, въ народномъ нашемъ слоѣ выразившуюся въ хлыстовствѣ. Эта оргійно-экстатическая стихія жила въ самомъ Достоевскомъ, и онъ былъ до глубины русскимъ въ этой стихіи. Онъ изслѣдовалъ метафизическую истерію русскаго духа. Истерія эта есть неоформленность русскаго духа, неподчиненность предѣлу и нормѣ. Достоевскій открылъ, что русскій человѣкъ всегда нуждается въ пощадѣ и самъ щадитъ. Въ строѣ западной жизни есть безпощадность, связанная съ подчиненностью человѣка дисциплинѣ и нормѣ. И русскій человѣкъ человѣчнѣе западнаго человѣка. Съ тѣмъ, что раскрылъ Достоевскій о природѣ русскаго человѣка, связаны и величайшія возможности и величайшія опасности. Духъ все еще не овладѣлъ душевной

стихіей въ русскомъ человѣкѣ. Въ Россіи человѣческая природа менѣе активна, чѣмъ на Западѣ, но въ Россіи заложены бо́льшія человѣческія богатства, бо́льшія человѣческія возможности, чѣмъ въ размѣренной и ограниченной Европѣ. И русскую идею видѣлъ Достоевскій во „всечеловѣчности“ русскаго человѣка, въ его безконечной шири и безконечныхъ возможностяхъ. Достоевскій весь состоитъ изъ противорѣчій, какъ и душа Россіи. Выходъ, который чувствуется при чтеніи Достоевскаго, есть выходъ гностическихъ откровеній о человѣкѣ. Онъ создалъ небывалый типъ художественно-гностической антропологіи, свой методъ вовлеченія въ глубь человѣческаго духа черезъ экстатическій вихрь. Но экстатическіе вихри Достоевскаго духовны и потому никогда не распыляютъ они образъ человѣка. Одинъ Достоевскій не боялся, что въ экстазѣ и безпредѣльности исчезнетъ человѣкъ. Предѣлы и формы человѣческой личности всегда связывали съ аполлонизмомъ. У одного Достоевскаго форма человѣка, его вѣчный образъ остается и въ духовномъ діонисизмѣ. Даже преступленіе не уничтожаетъ у него человѣка. И не страшна у него смерть, ибо вѣчность всегда у него раскрывается въ человѣкѣ. Онъ—художникъ не той безликой бездны, въ которой нѣтъ образа человѣка, а бездны человѣческой, человѣческой бездонности. Въ этомъ онъ величайшій въ мірѣ писатель, міровой геній, какихъ было всего нѣсколько въ исторіи, величайшій умъ. Этотъ великій умъ весь былъ въ дѣйственно-активномъ отношеніи къ человѣку, онъ раскрывалъ иные міры черезъ человѣка. Достоевскій таковъ, какова Россія, со всей ея тьмой и свѣтомъ. И онъ—самый большой вкладъ Россіи въ духовную жизнь всего міра. Достоевскій—самый христіанскій писатель потому, что въ центрѣ у него стоитъ человѣкъ, человѣческая любовь и откровенія человѣческой души. Онъ весь—откровеніе сердца бытія человѣческаго, сердца Іисусова.

Николай Бердяевъ.